ГРАММАТИКА

РУССКАГО ЯЗЫКА.

ИЗДАНІЕ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

«Повелитель многихъ языковъ языкъ Россійскій не только обширностію мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ;... Кардъ V, Римскій Императоръ, говаривалъ, что Испанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятелями, Италіянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Испанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Италіянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка.... Кто отъ часу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или лучше сказать, одна предѣлы имѣющее море.»

Ломоносовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По присоединеніи бывшей Императорской Россійской Академіи къ Императорской Академіи Наукъ, въ 19-й день Октября 1841 года, въ видѣ особаго Отдѣленія Русскаго языка и Словесности, между прочими занятіями этого Отдѣленія постановлено главнѣйшимъ изданіе Грамматики и Словаря.

Вся дѣятельность Отдѣленія Русскаго языка и Словесности, по выраженію Министра Народнаго Просвѣщенія и Президента Академіи, состоитъ въ томъ, чтобъ *хранить и утверждать отечественное слово.* Въ храненіи и утвержденіи языка заключается и уваженіе къ прошедшему, и критическое изслѣдованіе древнихъ источниковъ, и близкое знакомство съ историческими судьбами языка, и тотъ глубокій смыслъ, то живое сочувствіе, которое сообщаютъ памятникамъ письменности вдохновеніе и достоинство историческихъ преданій.

Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности, одушевляемое ревностнымъ желаніемъ послѣдовательно идти къ указанной цѣли, немедленно приступило къ важнѣйшему въ нынѣшнее время необходимому труду—къ состав-

ленію двухъ народныхъ книгъ—*Словаря* и *Грамматики* Имѣя въ виду *разумное возсозданіе языка* по памятникамъ и современнымъ писателямъ, оно предположило представить соотечественникамъ Словарь и Грамматику, которые служили бы сокровищницею завѣта предковъ и руководствомъ для современниковъ. Языкъ живаго народа есть развитіе общаго всѣмъ людямъ дара слова, безпрестанно продолжающееся; на немъ постоянно вѣетъ дыханіе вѣчно живой мысли. Но это развитіе крѣпнетъ въ сознанныхъ и опредѣленныхъ формахъ языка, и, по природѣ своей свободное, продолжается разумно, когда народъ привелъ все умственное богатство въ органическое цѣлое. Такое приведеніе народной мысли въ организмъ возможно посредствомъ Словаря и Грамматики: въ одномъ мы сознаемъ полное развитіе духовной жизни аналитически, въ другой таже народная жизнь представляется синтетически. Поэтому не изобрѣтать языкъ, а прислушиваться къ языку живому, слѣдить самобытныхъ писателей и все богатство народнаго языка вносить въ Словарь, всѣ изгибы народной рѣчи вписывать въ Грамматику — хранить и утверждать языкъ: вотъ обязанность современной Филологіи.

Составленіе Словаря, немедленно по образованіи Отдѣленія Русскаго языка и Словесности, приняли на себя присутствующіе Члены Отдѣленія, и въ концѣ истекшаго 1847 года ихъ трудами изданъ въ четырехъ томахъ *Словарь Церковно – Славянскаго и Русска языка*, заключающій въ себѣ 114,749 словъ. Въ

чалѣ 1848 года первый подвигъ Отдѣленія представленъ былъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и Президентомъ Академіи Августѣйшему Покровителю отечественнаго слова, Государю Императору, и имѣлъ счастіе удостоиться Всемилостивѣйшаго благоволенія.

Для составленія *Грамматики* Отдѣленіе образовало *Временную Коммиссію* изъ Московскихъ Академиковъ, которая успѣла обработать нѣсколько статей грамматическихъ, согласно съ планомъ, Отдѣленіемъ одобреннымъ. Нынѣ Московская Временная Коммиссія закрыта, по случаю измѣненія въ ея составѣ, и грамматическіе матеріалы вносятся на разсмотрѣніе прямо въ Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности.

Грамматика, по мнѣнію Коммиссіи, изложенному въ ея представленіи Отдѣленію, можетъ быть составлена или въ видѣ учебника, необходимаго для систематическаго изученія языка, или какъ народная книга, важная для каждаго Русскаго, хранилище одного изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ, завѣщанныхъ намъ отъ предковъ, языка отечественнаго. Составленіе Грамматики перваго рода приспособляется къ степени и цѣли учебныхъ заведеній, для которыхъ книга назначается. Дѣло Академіи составить Грамматику, которая заключала бы въ себѣ *разумное возсозданіе отечественнаго языка*, и служила бы какъ завѣтомъ отъ предковъ, такъ и руководствомъ для современниковъ. Если Словарь *хранитъ языкъ*, то такая Грамматика *утверждаетъ языкъ*. Въ Словарѣ содержатся всѣ сокровища языка въ первоначаль-

ныхъ его формахъ; Грамматика должна показать всю жизнь народнаго слова, всю судьбу его, неразлучную съ судьбами народа.

Но каждый языкъ состоитъ изъ двухъ элементовъ: *общихъ* законовъ слова человѣческаго и *частныхъ* особенностей, свойственныхъ тому или другому языку, или одной какой-либо отрасли языковъ. Поэтому изслѣдованія по части языка могутъ быть двухъ родовъ: *философскія*, относящіяся къ приложенію законовъ общей Грамматики къ отечественному языку, и *историческія*, составляющія предметъ Сравнительной Грамматики и основывающіяся на письменныхъ его памятникахъ. Изъ изданныхъ доселѣ Русскихъ Грамматикъ, при относительныхъ достоинствахъ каждой, немногія выполняютъ эти высшія требованія. Общій отличительный характеръ бо́льшей части учебниковъ тотъ, что они предлагаютъ Русскому обучающемуся юношеству то, что оно съ малолѣтства знаетъ — формы частей рѣчи. Это необходимо нужно для насъ при изученіи иностранныхъ языковъ; но при изученіи роднаго языка, на которомъ съ дѣтства выражаемъ всѣ мысли свои, мы ожидаемъ отъ Грамматики другаго, болѣе глубокаго изслѣдованія языка. Изслѣдованіямъ этого рода подлежатъ *значеніе частей рѣчи, происхожденіе ихъ и образованіе, составъ рѣчи и обороты*, на основаніи общихъ законовъ Сравнительной Грамматики, свидѣтельствъ отечественныхъ писателей и письменныхъ памятниковъ. Опыты такихъ изслѣдованій находимъ мы въ *Трудахъ любителей Россійской Словесности*

и *въ Извѣстіяхъ бывшей Россійской Академіи.* Въ этомъ смыслѣ изученіе Русскаго языка явилось въ Филологическихъ наблюденіяхъ *Павскаго* надъ составомъ Русскаго языка, изданныхъ въ трехъ разсужденіяхъ (1841). «Не должно, говоритъ Квинтиліанъ *), пренебрегать законами языка и почитать ихъ маловажными. Конечно не трудно отличать согласныя отъ гласныхъ, или гласныя раздѣлять на полугласныя и безгласныя; но кто проникнетъ въ глубину этого ученія, тотъ найдетъ достойные вниманія предметы, которые не только могутъ изощрить умъ юный, но и занять мужей просвѣщенныхъ и умныхъ.» Къ глубокимъ изслѣдованіямъ языка принадлежитъ трудъ Павскаго.

Московская Коммиссія, принявъ на себя разработку матеріаловъ для Академической Русской Грамматики со стороны философской и исторической, какъ существенныхъ элементовъ для составленія *книги всенародной*, еще не имѣя въ виду разсужденіи Павскаго, образцомъ себѣ поставила Грамматику *Гримма*, и возложила на Членовъ своихъ различныя приготовительныя изъисканія. Но обстоятельства воспрепятствовали исполненію этого предположенія: Члены Коммиссіи, занятые служебными обязанностями и другими литературными трудами, не могли совокупными силами содѣйствовать совершенію своей мысли.

Нынѣ, по закрытіи Коммиссіи, естественно планъ составленія Грамматики долженъ былъ измѣниться и въ методѣ, и въ объемѣ. Вмѣсто исторической Грам-

*) Inst. I, 4.

матики, я предположилъ себѣ составить *Грамматику Русскаго языка общесравнительную*, по плану *Беккеровой* Грамматики Нѣмецкаго языка. Русскій языкъ принадлежитъ къ большому семейству образованнѣйшихъ въ свѣтѣ языковъ. Поэтому нужно принять въ соображеніе грамматическій составъ всѣхъ однородныхъ языковъ, открыть сходство и несходство ихъ съ нашимъ, и показать отличительное его свойство и мѣсто, занимаемое имъ въ порядкѣ родственныхъ языковъ. Узнавъ вообще свойство или духъ языка, мы можемъ найти частныя правила, по которымъ образовались слова и рѣчь. Въ изложеніи правилъ преимущественно старался я показывать *словообразованіе, значеніе частей рѣчи и происхожденіе, составъ предложеній и періодовъ, особенные обороты и отличительныя свойства отечественнаго языка; измѣненія же* частей рѣчи въ родномъ словѣ, какъ знакомыя каждому изъ употребленія, по моему мнѣнію, должны занимать второстепенное мѣсто. Языкъ и все его развитіе и образованіе представляютъ природу органическую; основательное знаніе языка состоитъ въ знаніи его органическихъ отношеній. Идея организма, объемлющая слово и его во всѣхъ отношеніяхъ проникающая, должна быть путеводною идеею всякаго языкознанія. Изъ этого слѣдуетъ задача Грамматики отечественнаго языка — показать и *общіе* законы слова человѣческаго, на началахъ мышленія, и *частныя особенности*, объясняемыя сравненіемъ отечественнаго языка съ языками однородными и сплеменными.

Съ этимъ воззрѣніемъ на преподаваніе отечественнаго языка составлена нынѣ издаваемая *Грамматика Русскаго языка*, по содержанію и по формѣ *общесравнительная*. Форма ея основана на законахъ логическихъ, общихъ всѣмъ языкамъ; содержаніе оправдывается сравненіемъ отечественнаго языка съ языками одного корня и племени. Такимъ только образомъ достигается двоякая цѣль Грамматики отечественнаго языка: развитіе мыслящей способности и сознаніе роднаго слова, съ малолѣтства знакомаго, приводимаго этимъ изученіемъ въ органическое цѣлое. Такова должна быть *Грамматика Русскаго языка для Русскихъ*. Безъ сомнѣнія, въ Грамматикѣ, нынѣ издаваемой, найдутся недостатки въ отношеніи къ *содержанію*: для приведенія въ органическое цѣлое народнаго сокровища, каково сокровище родной языкъ, потребны усилія многихъ. По крайней мѣрѣ *форма* и *способъ преподаванія отечественной Грамматики*, здѣсь изложенные, останутся неизмѣнными. Въ 1825 году напечатана была собственноручная записка *Ломоносова* (Моск. Тел. № XIX) слѣдующаго содержанія.

«Филологическія изслѣдованія и показанія къ дополненію Грамматики надлежащія:

1) О сходствѣ и перемѣнахъ языковъ.
2) О сродныхъ языкахъ Россійскому.
3) О Словенскомъ Церковномъ языкѣ.
4) О простонародныхъ словахъ.
5) О преимуществахъ Россійскаго языка.
6) О чистотѣ Россійскаго языка.

7) О красотѣ Россійскаго языка.

8) О синонимахъ.

9) О новыхъ Россійскихъ рѣченіяхъ.

10) О чтеніи книгъ старинныхъ.

11) О Лексиконѣ.

12) О переводахъ.

Слѣдовательно представляемый соотечественникамъ нынѣшній трудъ мой не есть что–либо новое: это лишь только исполненіе завѣщанія Ломоносова, преобразователя нашего языка, сочинителя *первой* Русской Грамматики.

Я не смѣю ничего присвоивать себѣ въ этомъ трудѣ: воспользовавшись важными изслѣдованіями *Греча, Востокова, Павскаго, Перевлѣсскаго*, наблюденіями *Буслаева, Каткова* и *Басистова*, я привелъ въ систему готовыя сокровища по той мысли, которую положилъ въ основаніе. Примѣры заимствованы изъ *старинныхъ Русскихъ стихотвореній, пословицъ, живой народной рѣчи* и изъ отечественныхъ писателей: *Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина, Крылова, Батюшкова*, Митрополита *Филарета*, Архіепископа *Иннокентія, Жуковскаго, Гоголя.*

Иванъ Давыдовъ.

С. Петербургъ,
5 Іюля 1849.

ГРАММАТИКА
РУССКАГО ЯЗЫКА.

ВВЕДЕНІЕ.

СОСТАВЪ И ОБРАЗОВАНІЕ ЯЗЫКА.

§. 1. Слово *языкъ* означаетъ или *даръ* человѣка, особое отъ- Языкъ, разсматриваемый какъ органическое развитіе мышленія человѣческаго въ членораздѣльныхъ звукахъ.
кровеніе, посредствомъ котораго проявляется мысль и происходитъ общеніе духовной жизни въ родѣ человѣческомъ, или самое развитіе этого дара, служащее выраженіемъ мыслей того или другаго народа. Живой языкъ народа представляетъ развитіе природнаго дара, безпрестанно продолжающееся; на немъ постоянно вѣетъ дыханіе вѣчно живой мысли. Въ языкѣ заключается полный организмъ, который зависитъ отъ жизни и внутренней необходимости, имѣетъ цѣлію также жизнь, и лишь только при этомъ условіи можетъ быть и продолжаться. Развитіе и строеніе языка основывается на внутренней необходимости духовной жизни человѣка; человѣкъ говоритъ, потому что мыслитъ; ему вмѣстѣ съ мыслію даровано свыше и слово.

По общему закону природы всякая сила проявляется въ веществѣ: и сила духа облекается въ вещественныя, опредѣленныя формы, становясь явленіемъ. Такимъ образомъ проявляясь, мысль осуществляется въ языкѣ. Поэтому языкъ не иное что, какъ мысль въ явленіи; они въ сущности одно и тоже: Мысль, выраженная словомъ, получаетъ опредѣленный

видъ; потому что чувственные предметы, вызывающіе прежде всего дѣятельность духа человѣческаго, переходятъ въ понятія, обращаясь въ предметы духовнаго воззрѣнія, и представляются духу выраженные словомъ. Ежедневный опытъ показываетъ намъ, какъ мысль, воплощаясь въ слово, достигаетъ своей полноты. Понятія, бывшія для насъ темными и неопредѣленными, становятся ясными и опредѣленными, когда выражаются посредствомъ слова. Часто мы затрудняемся дать вещи настоящее имя, пока понятіе этой вещи еще не довольно для насъ ясно; случается также, что понятіе, казавшееся намъ темнымъ, становится яснымъ, какъ скоро мы придаемъ ему подлинное названіе. Сюда же относится и то явленіе, что не выраженныя словомъ понятія и мысли иногда долго дремлютъ въ духѣ нашемъ, какъ бы ихъ совсѣмъ не было; но однажды воплотившіяся въ слово, съ неодолимою силою дѣйствуютъ на умы людей и народовъ. Все это происходитъ отъ того, что мыслить и говорить собственно одно и тоже; мысль и слово развиваются современно въ каждомъ человѣкѣ и во всѣхъ народахъ. Поразительные успѣхи развитія мыслящей способности замѣчаемъ въ дѣтскомъ возрастѣ: отъ того въ дѣтяхъ видимъ мы сильную охоту говорить; у нихъ каждая мысль немедленно переходитъ въ слово. Они въ короткое время и безъ труда, играючи, усвоиваютъ себѣ цѣлый языкъ. Развитіе слова въ каждомъ человѣкѣ порознь и въ народахъ показываетъ извѣстную степень умственнаго развитія; при сравненіи разныхъ народовъ легко убѣдиться, что образованность и языкъ взаимно условливаются. Народы, которые въ образованности достигли высшей степени, представляютъ и языкъ, съ большимъ обиліемъ и съ большею свѣжестію развитый; напротивъ, у другихъ народовъ, при одинакихъ условіяхъ, не находимъ высокой образованности и полнаго умственнаго развитія единственно по той причинѣ, что языкъ ихъ отъ особенныхъ какихъ-либо обстоятельствъ лишился юношеской свѣжести и гибкости, закоснѣлъ въ неподвижности, которая препятствуетъ свободно развитію ума.

Строеніе языка имѣетъ цѣлію внутреннюю жизнь человѣка. Языкъ составляетъ потребность человѣческой природы: органическая жизнь безъ слова не можетъ проявиться во всей полнотѣ, и человѣкъ только посредствомъ языка становится нравственнымъ существомъ. Жизнь человѣческая требуетъ не только общежитія, которымъ условли вается сохраненіе рода, но общенія мыслей и соединенія мышленія частнаго съ общимъ іросозерцаніемъ, чрезъ которое духовная жизнь одного человѣка обращается въ жизнь цѣлаго рода. Органическая жизнь человѣка, какъ духовно-тѣлеснаго существа, тѣмъ достигаетъ полноты своей, что умъ каждаго человѣка развивается какъ умъ всего рода человѣческаго, и мысль, воплощаясь въ слово, изъ жизни одного разливается на цѣлый народъ.

Языкъ, будучи организмомъ рода человѣческаго, нуждается въ взаимномъ общеніи и воспріятіи: поэтому въ каждомъ человѣкѣ должны быть *два рода орудій* — одинъ *для сообщенія*, или органъ *слова*, другой для воспріятія — органъ *слуха*. У кого нѣтъ одного изъ этихъ орудій, у того не можетъ быть развитія дара слова; въ органическомъ же соединеніи они образуютъ слово. Отъ взаимнаго отношенія, въ какомъ эти органы одинъ другому соотвѣтствуютъ, зависитъ и то, что только легко произносимые звуки производятъ на слухъ пріятное впечатлѣніе; поэтому въ органѣ слуха, по связи его съ словомъ, заключается опредѣленный законъ благозвучія.

Органы языка и слуха.

§. 2. Первыя начала развитія слова въ родѣ человѣческомъ, какъ первыя начала всякаго органическаго развитія, сокрыты для насъ непроницаемымъ мракомъ. Но развитіе языка въ одномъ человѣкѣ можетъ отчасти объяснить намъ, какъ развилось слово въ родѣ человѣческомъ. Начала языка въ дитяти современны съ первыми проявленіями представленія и мышленія. Органы слуха и языка чрезвычайно рано получаютъ полное образованіе, и успѣхи дитяти въ языкѣ удивительно быстры. Дитя говоритъ не для того, чтобы этимъ удовлетворить внѣшней потребности, но потому что въ словѣ, какъ и во всѣхъ упражненіяхъ силъ органическихъ, оно находитъ удовольствіе: у него мысль скоро пе-

реходитъ въ слово; отъ того въ дитяти большею частію слово служитъ мѣрою развитія умственнаго. Всѣ слова у дитяти сначала односложныя; цѣлое предложеніе состоитъ изъ одного слова, именно изъ того, которое для него въ предложеніи представляетъ главное понятіе; оно и послѣ продолжаетъ выражаться главными предложеніями, что̀ взрослые обыкновенно выражаютъ предложеніями придаточными. Дитя ничего не говоритъ случайно, и тогда принимаетъ произнесенное кѣмъ либо слово, когда въ немъ уже образовалось для этого понятіе собственными силами: такое слово становится его собственностью. Оно легко затверживаетъ названіе чувственныхъ, его окружающихъ предметовъ и ихъ дѣйствій; названій же сверхчувственныхъ оно не удерживаетъ, потому что для нихъ еще не имѣетъ развившихся понятій. Обыкновенно оно придаетъ словамъ болѣе обширныя понятія, смотря потому какъ образуетъ ихъ по-сво́ему. Такъ собственное имя какой-либо рѣки береть оно за нарицательное имя всякой рѣки. Часто дитя придаетъ слову значеніе, совершенно отличное отъ общепринятаго, и долго употребляетъ его въ такомъ значеніи, пока не сознаетъ ошибки. Весьма замѣчательно, что дѣти очень поздно начинаютъ различать въ представленіи своемъ отношенія къ говорящему, равно какъ и правильное употребленіе служебныхъ словъ, соотвѣтствующихъ этимъ отношеніямъ, мѣстоименій, нарѣчій — *здѣсь и тамъ*, *вчера и завтра*, *уже и еще*, также числительныхъ. Не рѣдко образуютъ они по аналогіи для своихъ понятій слова, которыхъ никогда не слыхали. Вообще слово становится собственностью дитяти посредствомъ представленія, и произнесенное другими слово усвоиваетъ своимъ понятіямъ, какъ усвоиваетъ сокамъ своимъ вкушаемыя яства и питье. Размышляя, мы не всегда говоримъ, и потому можно подумать, что мышленіе независимо отъ слова; напротивъ, каждая мысль, въ умѣ представляющаяся, или дѣйствительно произносится, или, уже воплотившаяся въ слово, остается въ духѣ. Предметы чувственнаго воззрѣнія, преобразуясь въ понятія, снова овеществляются въ словѣ: слово, будетъ ли произнесено, или умственно пред-

ставлено, есть тѣло понятія; понятіе безъ слова не имѣетъ образа.

§. 3. Организмъ языка проявляется въ живой рѣчи; поэтому слово и рѣчь, какъ и всякое другое проявленіе жизни, мы принимаемъ за продолжающееся твореніе. Слово само по себѣ есть особое выраженіе мысли: какъ скоро мыслящая способность восходитъ на высшую степень и развиваетъ новыя мысли, является и слово, какъ бы новорожденное, отъ прежде знакомаго по формѣ и значенію отличное. Такъ какъ языкъ есть принадлежность рода, то и слово должно быть выраженіемъ мысли не только въ отношеніи къ лицу говорящему и къ тому, кому говорится, но и въ отношеніи ко всему человѣчеству; быстрое явленіе организма крѣпнетъ и становится непзмѣняемымъ произведеніемъ. Если мы теперь представимъ себѣ слово вообще развитіемъ внутренней потребности; то получимъ понятіе о живомъ языкѣ: это способъ сообщенія мыслей, понятный для всѣхъ и каждаго въ народѣ, потому что онъ выражаетъ общее всему народу міросозерцаніе. Сообщеніе мыслей между людьми только потому возможно, что мысль, какъ духовное созерцаніе, посредствомъ слова выражается чувственно. Отъ чувственнаго выраженія, если оно должно быть дѣйствительно выраженіемъ мысли, требуется гибкость и образность, чтобы легко представлять всѣ оттѣнки мысли и быть живымъ ея отраженіемъ. Поэтому языкъ сложенъ изъ вещества, которое, хотя условливается тѣлесными органами, однако является не столько веществомъ въ пространствѣ, сколько дѣятельностью во времени; потому что слово вмѣстѣ есть и мысль; вещество мысли — членораздѣльные звуки. Звуки въ человѣческомъ организмѣ съ духомъ находятся въ такой тѣсной связи, что посредствомъ нихъ всѣ мысли изображаются чувственно. Ни одинъ изъ органовъ не состоитъ въ такой зависимости отъ духа, какъ органъ голоса: отъ того въ членораздѣльныхъ звукахъ голоса намъ понятны всѣ нѣжнѣйшіе оттѣнки мысли и переливы чувства. Вмѣстѣ съ тѣмъ органъ слуха такъ образованъ, что звуки, какъ живыя выраженія мысли, немедленно сообщаются слуху безъ

Отношеніе органовъ голоса къ мысли.